

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 1

English version: [Melnikova O.T., Krichevets A.N., Khoroshilov D.A. Historical and epistemological context of the development of qualitative research in psychology. Part 1](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Выделяются ключевые характеристики качественных исследований в психологии на основании анализа исторической логики их развития. Обсуждается междисциплинарный характер становления качественной методологии в социальных науках и неправомерность определения качественных исследований через противопоставление количественным. Рассматриваются интеллектуальные источники качественной методологии, ее имплицитное развитие в рамках социокультурной антропологии, психоанализа и символического интеракционизма. Отдельное внимание уделяется тому, как концептуальные идеи этих направлений реализуются в современной исследовательской практике.

Ключевые слова: методология, качественные исследования, история психологии, эпистемология, междисциплинарность, социокультурная антропология, психоанализ, символический интеракционизм

Общая специфика качественной методологии

Исполненное тонкой иронии замечание Б.М.Теплова о терминологическом фетишизме в психологии [Теплов, 1985, т. 1, с. 314] удачно характеризует положение качественных исследований в современной науке. «Фетишизм» заключается в том, что поле исследований, традиционно именуемых «качественными» (qualitative research), принято объединять в общий подход, который расширяется до самостоятельной методологии или даже до целой «парадигмы» со своей собственной эпистемологией. Такие широкие определения свободно «кочуют» из одной книги в другую, затрудняя понимание оснований, на которых качественные исследования выносятся в особый тип научно-исследовательской практики и составляют значимый сюжет методологических дискуссий современности.

Терминологическая путаница может быть отчасти разрешена следующим образом: качественный *подход* – это *методология*, ориентированная на проведение качественных исследований и получение качественных данных без последующей их квантификации и статистической обработки, а *качественные исследования* – отдельный *тип исследований*, заключающийся в смысловом анализе поведения и нарративной информации [Василюк и др., 2013]. В научной литературе достаточно работ, выделяющих характеристики, отражающие своеобразие качественной *методологии* как определенного *стиля мышления и исследования* в психологии и социальных науках [Бусыгина, 2013; Мельникова, 2007; Улановский, 2012], и мы не будем повторять их здесь.

Лаконичное и вместе с тем весьма емкое определение качественных *исследований* предлагает, например, Д.Полкингхорн [Polkinghorne, 2010]: качественные исследования – это *лингвистически ориентированные подходы*, фокусирующиеся на изучении опытной реальности, в которой существует человек, а также на описании и понимании *значений*, которые люди придают взаимодействиям друг с

другом, с культурным окружением и с материальными объектами. Качественные исследования исходят из той предпосылки, что опыт человека более адекватно описывается в терминах естественного языка, чем математики. Наконец, они базируются на особой *онтологии* и *эпистемологии* и, следовательно, генерируют особый тип научного знания. На наш взгляд, уточнение специфики знания, получаемого в качественных исследованиях, может быть достигнуто через анализ их становления и развития в истории психологии и социальных наук. Прежде всего, мы выделим три ключевых аспекта в истории становления качественной методологии, которые существенно влияют на современное ее состояние.

Логика определения качественных исследований через противопоставление количественным

Трьюизмом выглядит старая дихотомия качественной и количественной методологий, сложившаяся в середине XX столетия, но – как ни парадоксально – через это искусственное устаревшее соотношение специфика качественного подхода определяется и по сей день. В литературе критерии различия между двумя методологиями обсуждались множество раз [Богомолова, Фоломеева, 1997; Ядов, 2007], несмотря на критический анализ такого разделения [Батыгин, Девятко, 1994; Корнилова, Смирнов, 2011].

Как известно, принцип разделения наук с точки зрения метода на идеографические (фиксирующие индивидуальное, особенное) и номотетические (законополагающие) был сформулирован В.Виндельбантом. Г.Риккерт развил этот принцип до разделения наук с точки зрения исследовательского интереса: в науках о культуре этот интерес направлен на индивидуальное и неповторимое, в науках о природе – на общее и повторяющееся. Собственно, выделение «природы» опиралось на известное положение И.Канта об априорных формах, которые конституируют действительность, которую можно познать естественнонаучными методами.

В истории психологии «спор о методах» обернулся дискуссией Г.Эббингауза и В.Дильтея об объяснительной и описательной психологиях [Nerlich, 2004], а в социологии значительно позже, во второй половине XX века, когда сложилось противопоставление количественных и качественных исследований, – знаменитым «диспут о позитивизме» Т.Адорно и К.Поппера [Йоас, Кнебель, 2011]. Адорно утверждал, что количественные методы постигают мир с точки зрения возможности манипулирования им, они берут за образец господство техники над природой, что в конечном счете парадоксальным образом ведет к порабощению человека, в то время как Поппер выступал против идеи «эмансипаторской» науки, служащей интересам различных социальных групп, и призывал вывести из науки элементы социальной критики.

Вопрос о соотношении идеографического и номотетического методов в психологии был вновь поставлен Г.Оллпортом в одной из его ранних книг об анализе личных документов [Allport, 1942]. В этой работе, помимо прочего, предложены критерии валидности интерпретаций индивидуальных случаев.

Философская дихотомия наук о культуре и наук о природе, будучи спроецирована на уровень конкретно-научной методологии, выражается также в сложном соотношении между традициями европейской и американской психологии, опирающимися на тот или иной метод – «описывающий и понимающий» или «законополагающий и объясняющий». Как и всякая модель, такое разделение является условным: так, эмигрировавшие из Европы в США К.Левин и Ф.Хайдер оказали влияние на развитие американской психологии, ибо внесли в нее инновационные идеи гештальт-психологии, а критику в адрес американской исследовательской традиции можно найти в работах ее же последователей (например, «манифест» европейской социальной психологии в 1972 г., призывающий вывести научное знание из лабораторий («вакуумных»), по устоявшейся метафоре А.Тэшфела (H. Tajfel)) в социальный контекст.

Представляется, что отнесение качественных исследований к идеографическому полюсу не соответствует современному состоянию дел. В рамках ревизии границ в литературе можно встретить более «мягкое» предложение о размежевании двух пониманий качественных исследований, условно маркируемых буквами – «большим Q» и «малым q» [Willig, 2008]. Если первый тип Q-исследований

связан с индуктивной методологией, направленной на генерирование теорий и раскрытие значений, то тип *q*-исследований предполагает только включение отдельных нематематических техник сбора данных в гипотетико-дедуктивные исследовательские дизайны. Такое разделение не ведет к противопоставлению качественных vs. экспериментальных исследований, ибо дизайн последних может быть выстроен не только в гипотетико-дедуктивной логике, но, например, в дискурсивной методологии эксперимента (Р.Харре, Ф.Могхаддам) [Moghaddam, Harré, 1992]. Заметим также, что большинство экспериментальных исследований в психологии, которые принято считать классическими, апеллировали к методам полевого наблюдения и качественного анализа данных: достаточно указать на работы К.Левина, М.Шерифа, Л.Фестингера, Ф.Зимбардо [Marecek, Fine, Kidder, 1997].

Междисциплинарный характер качественных исследований

Историческое положение социальной психологии между психологией, социологией, лингвистикой и социокультурной антропологией открыло путь для диалога этих дисциплин. Думается, что эпистемологическая открытость социальной психологии стала одной из причин довольно скорой ассимиляции ею качественных исследований, которые, как мы покажем ниже, сами развивались в междисциплинарном пространстве; в наше время сторонники теорий социальных представлений, дискурсивной и нарративной психологии часто обращаются к качественным методам и выстраивают вокруг них свои исследовательские программы.

Вместе с тем такое открытое положение качественных исследований в социальной психологии закономерно приводит к проблемам определения их предметной специфики и сопоставимости различных эпистемологических предпосылок, которые реализуются в том или ином методе. Многообразии качественных исследований, возникших на пересечении различных научных школ и традиций, оборачивается дискуссиями об их познавательных отличиях: так, оспаривается совместимость этнометодологии и метода обосновывающей теории, хотя оба этих подхода испытали заметное влияние со стороны символического интеракционизма; обсуждаются пункты сходства и различия дискурсивной психологии Дж.Поттера и М.Уэзерелл и дискурс-анализа по М.Фуко [Willig, 2008], а также дискурс-анализа и метода анализа разговорной речи. Эти примеры показывают, что говорить о единой качественной методологии исследования в психологии следует с большой долей осторожности, ибо до настоящего времени не решен фундаментальный вопрос о соотношении различных составляющих ее направлений.

Эпистемологическая и методологическая открытость качественных исследований инновациям отвечает основным тенденциям развития науки в XXI веке – релятивизма в познании, междисциплинарности и сетевой организации знаний, но вместе с тем содержит в себе опасность неконтролируемого эклектизма. Расширяя границы современной эпистемологии, междисциплинарные подходы «акцентируют внимание на этих границах: они плывут перед нашими глазами и уходят за всякий мыслимый горизонт» [Социальная эпистемология, 2010, с. 261]. Один из основных путей решения обозначенной проблемы, предлагаемых в современных руководствах по качественным методам, заключается в том, чтобы ввести специальный критерий качества (валидности) исследования – так называемый критерий *рефлексивности*, или критического осмысления субъективных позиций, как в контексте конкретных целей и задач исследования, *так и адекватности используемых теоретических конструкций к изучению субъективного опыта человека или группы людей*.

Имплицитный и эксплицитный характер качественных исследований в психологии

Неверно полагать, будто качественные исследования появились только во второй половине XX столетия как новое или революционное движение в психологии. Этот период можно обозначить как время осмысления исследовательской методологии, названной «качественной» в логике противопоставления «количественной», отождествляемой, в свою очередь, с гипотетико-дедуктивной и экспериментальной моделями научного познания. Однако до указанного момента – условно говоря, в первой половине XX столетия – качественные исследования часто представлены в истории психологии в *имплицитном виде*, то есть без маркирования их инструментальной стороны как специально-качественных, и строгой научной рефлексии.

Для обоснования последнего утверждения нам достаточно указать на классические работы В.Вундта по психологии народов [Вундт, 1998], У.Джеймса по изучению религиозного опыта [Джеймс, 1993], терапевтические случаи, культурологические эссе З.Фрейда [Фрейд, 1992], «клинические беседы» Ж.Пиаже [Пиаже, 1994], а также ранние работы Л.С.Выготского по психологии искусства и эстетики [Выготский, 2008]. С ретроспективной точки зрения они прочитываются как блестящие образцы качественных исследований, но, разумеется, их авторы едва ли могли предполагать возможность единообразной *качественной методологии*.

В отечественной психологии одно из первых упоминаний качественного анализа как самостоятельной стратегии работы с данными мы находим в работе А.Р.Лурии «Об историческом развитии познавательных процессов» [Лурия, 1974, с. 29]. Представленное в ней исследование культурной детерминации мышления (в отдаленных горных районах Узбекистана в 1931–1932 гг.) предполагало, как известно, обращение к методам беседы (по сути, интервью) и специальным задачам, допускавшим несколько возможных решений, что, в свою очередь, «позволяло провести качественный анализ получаемых данных» – записей рассуждений, мнений и реплик испытуемых.

Очевидно, не без влияния А.Р.Лурии качественные методы заняли прочное место в патопсихологии: как верно отмечает Е.Т.Соколова, «для отечественной патопсихологии изначально неоспоримыми приоритетами в диагностике были качественный анализ и интерпретация процесса выполнения заданий» [Соколова, 2012, с. 43]. Однако сегодня в психологии речь идет уже не об отдельных техниках и методах качественного анализа, но о формировании единой исследовательской методологии, которая задает свои принципы и алгоритмы изучения субъективной реальности человека.

Качественные исследования в логике исторического развития социальной психологии

Основные этапы становления качественных исследований были раскрыты в работе Н.Дензина и И.Линкольн [Denzin, Lincoln, 2005] и переосмыслены в контексте истории психологии А.М.Улановским [Улановский, 2012]. Предлагаемая этими авторами схема довольно эвристична, однако в настоящей статье мы хотели бы отказаться от чисто хронологического подхода и взамен того показать, как под влиянием различных научных традиций – в дисциплинарных границах социальной психологии – сформировался методологический стиль качественных исследований.

Историческое развитие социальной психологии обусловлено ее положением между социологией и психологией, что явилось причиной двойственного характера понимания ее предмета и последующего «расщепления» на две различных традиции европейской и американской психологии [Андреева, 2009; Jahoda, 2007]. Как самостоятельная научная дисциплина социальная психология возникла в XIX столетии в русле немецкой классической философии, причем проблема метода решалась следующим образом. И.Кант разъяснял бессодержательность рациональной психологии, с одной стороны, и невозможность для эмпирической психологии, использующей категориальный аппарат наук о природе, сказать что бы то ни было о внутреннем опыте человека, с другой. Изучение собственно психологической (с современной точки зрения) реальности, по Канту, – задача *прагматической антропологии*, которая использует этнографический метод наблюдения и описания характера личности, народа, расы: исследует «то, что он [человек], как свободно действующее существо, делает или может и должен делать из себя сам» [Кант, 1994, т. 7, с. 138]. Данный подход получает развитие в философии духа Гегеля: «*субъективный дух*» – индивидуальное сознание человека – наполняется содержанием в формах «*объективного духа*» – в обществе и мировоззренческих сферах искусства, религии и философии [Гулыга, 2001].

Логика исследования сознания через артефакты культуры выступила основой для формирования одной из ранних социально-психологических теорий [Farr, 1996] – *психологии народов* (М.Лазарус, Г.Штейнталь, В.Вундт), в которой наряду с *психологией толпы* (Г.Тард, Г.Лебон, С.Сигеле), испытавшей влияние французской школы патопсихологии, предмет исследования раскрывался с точки зрения положения индивида в пространстве культуры и больших групп. В этом смысле

социальная психология становилась *наукой о культуре*, которая ориентируется на идеографический, описательный метод познания. Но в конце XIX столетия происходит поворот к естественным наукам, и дисциплина перестраивается вокруг их методологии с логикой лабораторного экспериментирования и квантификации данных – позже эта линия будет ассоциироваться с американской традицией исследования (и *науками о природе*, с их ориентацией на номотетический, обобщающий метод).

Однако и в американской психологии существовал ряд концепций, выпадавших из мейнстрима и развивавшихся в русле «*социологической социальной психологии*», или «*психологической социологии*», которая представлена символическим интеракционизмом Дж.Миды, феноменологической социологией А.Шюца, этнометодологией Г.Гарфинкеля [Brown, Locke, 2008]. Три названных подхода повлияли на формирование облика качественных исследований. В теоретическом плане их объединяет интерес к микродинамике повседневных взаимодействий и социальной практики, порождающей обыденное знание [Орлова, 2012], а в методологическом – обращение преимущественно к этнографическим методам исследования, позволяющим раскрыть смысловой контекст, в котором действуют люди, и интерпретировать варианты их действий в различных ситуациях [Йоас, Кнебль, 2011]. Таким образом, психологические идеи, сформулированные в микросоциологии, послужили подспорьем для имплицитного развития практики качественных исследований и задали их эпистемологический каркас, акцентируя смысловой аспект социальной жизни.

Разнообразие предметной сферы и практических задач, предъявляемых обществом к социально-психологическим исследованиям, требовало формирования инструментария, который охватил бы макropsихологический уровень функционирования общества, что послужило стимулом развития качественной методологии. В дисциплинарных границах социальной психологии последняя ассоциируется с европейской традицией, сделавшей акцент на интерпретативной стороне исследования [Андреева, 2009]. Таким образом, европейская психология дала возможность как переосмыслить старинные философские предпосылки, связывающие изучение психологии и культуры, так и привести в нее ряд новых феноменологических, герменевтических и постструктуралистских идей, которые определили всплеск интереса к качественным исследованиям по обе стороны Атлантики. Теперь же, когда раскрыта историческая логика становления качественной методологии, нам следует подробнее остановиться на ее интеллектуальных источниках и предпосылках.

Интеллектуальные источники качественной методологии

Р.Харре в книге по эпистемологии и истории психологии как «когнитивной науки» выделяет *фактические* и *концептуальные* допущения (presuppositions) гуманитарных практик [Harré, 2002]. Если первые из них «тестируются», проверяются методами наблюдения или эксперимента, то вторые – только дискуссиями с точки зрения правдоподобия, полезности и согласованности. По крайней мере локально они играют роль, схожую с априорными формами Канта или грамматическими формами языка у Витгенштейна. В реальном исследовании найти четкое различие между этими двумя допущениями нелегко, потому что «любое конкретное предположение может переходить из одной категории в другую, так же как наше знание и техники исследования могут изменяться и развиваться» [Harré, 2002, с. 17]. В схожей логике эпистемологические предпосылки, подспудно стоящие за избранным методом, обсуждаются и в классической схеме Г.М.Андреевой о трех методологических уровнях научного познания [Андреева, 2010].

Основные концептуальные допущения или философские традиции, которые внесли свой вклад в развитие качественной методологии, были систематизированы в работе П.Прасад [Prasad, 2005]: среди них называются интерпретативные, семиотические и критические традиции, а также постмодернизм, постструктурализм и постколониализм. Между тем вопрос об эпистемологическом самоопределении качественных исследований в психологии открыт по сей день, и его обсуждение открывает современные руководства по качественным методам [Ashworth, 2008, Hesse-Biber, Leavy, 2011, Sullivan, 2010].

Такой интерес к эпистемологическим проблемам обусловлен тем, что качественная методология претендует в том числе на разрешение «дилеммы» *социальных исследований*, сформулированной

Г.Блумером: с одной стороны, социальные явления нельзя понять без учета так называемого субъективного фактора (иными словами, смыслового измерения социальной реальности) наравне с «объективным», однако, с другой стороны, в настоящее время у нас нет достоверного метода исследования «субъективного» фактора, который отвечал бы всем требованиям и канонам современной науки [Blumer, 1939, по: Hammersley, 2005]. Можно утверждать, что качественная методология предоставляет некий «ответ на вызов» этой дилеммы, привнося в дисциплинарный дискурс психологии знаковые философские идеи XX столетия, чтобы доказать возможность научно обоснованного исследования смысловой стороны поведения человека, расширяя традиционные представления о критериях научности как таковых.

В отечественной литературе [Бусыгина, 2013; Улановский, 2013; Штейнберг и др., 2009; Ядов, 2007] проанализированы источники и предпосылки развития качественных исследований в психологии и социологии. Далее мы представим краткий обзор этих предпосылок, обращая внимание на два момента: как были переосмыслены принципы различных теорий в контексте качественной методологии и как они логически связаны с конкретными исследовательскими подходами. Качественная методология испытала смешанные влияния со стороны различных интеллектуальных традиций.

В первой половине XX столетия качественные методы исследования развивались преимущественно *имплицитно* в рамках *социокультурной антропологии и этнографии, символического интеракционизма и психоанализа*; значимое влияние оказали также идеи *феноменологической социологии*. Впоследствии – вскоре после Второй мировой войны – качественные исследователи обратились за поддержкой к эпистемологии *социального конструкционизма*. Конструкционизм оказал влияние на формирование *дискурсивной и нарративной психологии*, а также особой ветви *культуральных, феминистических и квир-исследований*, рассматриваемых вкрупне с качественными исследованиями и отражающих междисциплинарный вектор развития современной науки.

Антропология и этнография

Традиционно принято считать, что качественные исследования развивались в рамках социальной и культурной антропологии прежде всего как этнографические методы включенного наблюдения за чужой культурой [Вульф, 2008]. Этнография представляет собой «деятельность антрополога по описанию народа» – то есть то, что антрополог делает, когда он находится в условиях полевой работы, и то, что он делает, когда на основании полевых материалов создает формальное описание народа или группы людей» [Елфимов, 2012, с. 8]. Можно выделить по меньшей мере три основных темы, которые перешли из этнографии в современные качественные исследования.

Принципы этнографической работы в качественной методологии. В различных антропологических парадигмах [Орлова, 2010] – в функционализме (Б.Малиновский, А.Р.Рэдклифф-Браун, Э.Э.Эванс-Притчард), школе «Культура и личность» (Р.Бенедикт, М.Мид), а также в когнитивной антропологии (М.Дуглас, Р.Д'Андрате) – можно найти выразительные примеры качественных исследований, исполненных в этнографическом жанре. По сути, их объединяет одна цель – «осмысление мировоззрения туземца, отношения аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир» [Малиновский, 2004, с. 42], достигаемая за счет особой методологической программы полевых исследований, наиболее тщательно разработанной в рамках британской социальной антропологии [Никишенков, 2007]. Хотя в современной качественной методологии речь не идет о туземцах и аборигенах, основные принципы этнографической работы – длительное прямое наблюдение изучаемых явлений, фокусирование на их взаимосвязи (принцип холизма), правила установления контакта с респондентами, обязательная проверка соответствия теоретических позиций конкретным данным – считаются сегодня общепринятыми при проведении интервью и фокус-групп, а также при анализе полученного с их помощью материала.

В современных качественных исследованиях выделяется особое этнографическое направление, которое изучает символы и значения, разделяемые социальными группами и организующие их активность в культурном пространстве, при этом исследование ведется в естественном окружении повседневной жизни людей, часто на протяжении довольно длительного промежутка времени. Несмотря на то что принципы и отдельные методы полевой работы (включенное наблюдение,

интервью, опросники и дневники наблюдений, квазистатистические измерения) прочно вошли в обиход качественных исследователей, для психологии этнографический подход остается непривычным [Griffin, Bengry-Howell, 2008], в отличие, скажем, от практики маркетинговых исследований, где этот метод стал вполне традиционным [Daymon, Holloway, 2011]. Удачные примеры использования этнографического метода в психологии составляют исследования безработицы в Мариентале (П.Лазарсфельд, М.Ягода, Г.Цейзель) [История социологии, 2009]; религиозной секты, пророчившей наступление конца света (Л.Фестингер) [Фестингер, 2000]; полевой эксперимент по изучению восприятия нормы и патологии в психиатрической клинике (Д.Розенхан) [Годфруа, 2004]. В целом анализ междисциплинарных пересечений антропологии и психологии – задача будущего.

«Насыщенные описания» – стратегия качественных исследований. В рамках так называемой интерпретативной антропологии, которая во многом развернула внимание исследователей от претензий на реализм и целостность этнографических описаний культуры к изучению ее отдельных конструкций и значений, встал дискуссионный вопрос о том, какими способами «антрополог строит интерпретации данных, являющихся результатом истолкования информантами их переживаний и отношений с окружением» [Орлова, 2010, с. 533]. Согласно формуле К.Гиртца, изучение культуры – это *вторичная интерпретация* окружающего мира, который создается и интерпретируется людьми в их повседневных взаимодействиях, соответственно, основной стратегией этнографической работы становятся «насыщенные», или «плотные», описания (thick descriptions) значений и коммуникаций, призванные адекватно и понятно для других представлять контекст жизни человека из другой культуры и его личные интерпретации этого контекста [Гиртц, 2006].

В качественной методологии особую важность приобрел вопрос о дискурсивном или риторическом опосредовании исследования языком и стилистикой изложения материала и анализа данных, в связи с чем возрастает роль рефлексии исследователя в раскрытии тех стратегий, с помощью которых он выстраивает свои интерпретации. В общем, стратегия насыщенных, детализированных, наполненных прямыми цитатами и примерами описаний позволяет отрефлексировать взаимовлияние теоретических интерпретаций исследователя и обыденных интерпретаций людьми своего окружения, максимально подробно и понятно представить их для потенциального читателя исследовательского отчета.

Дихотомия etic – emic подходов в качественных исследованиях. Лингвистическое разделение фонетики (учение об универсальных свойствах звука) и фонемике (учение о способах произнесения звука в определенных словах и языках) было перенесено в область антропологии и кросс-культурной психологии в виде обозначенной дихотомии. Если etic-подход ориентирован на анализ универсальных семантических категорий, инвариантных в различных культурах, то emic-подход рассматривает те или иные явления с точки зрения носителей конкретной культуры, избегая при этом накладывать какие-либо понятия и идеи из собственного социального опыта [Берри и др., 2007]. Считается, что качественные исследования в этнографии и антропологии реализуют emic-подход, однако в реальной практике уместнее говорить о взаимной дополнительности двух названных позиций, так как описание обыденного опыта людей и индуктивное формулирование теорий о структуре и функциях этого опыта всегда связаны с теоретическими знаниями и пред-пониманиями, делающими возможными дальнейшие обобщения.

Психоанализ

Хотя З.Фрейд ориентировался на естественнонаучные критерии и выстраивал свою модель психики в соответствии с представлением о действии различных физических сил, он полагался на изучение болезней пациентов и данные собственного самоанализа [Шульц, Шульц, 2002]. Общепризнанным считается влияние психоанализа на развитие традиции проективных исследований, глубинных и биографических интервью, метода анализа единичного случая. Думается, что в теоретико-методологическом аспекте именно З.Фрейд обосновал *принцип интерпретации* как самостоятельный инструмент исследования. Согласно формуле П.Рикера, психоанализ в контексте интеллектуальной истории XX столетия «раздвигает рамки терапевтического отношения между аналитиком и пациентом и выходит на уровень герменевтики культуры» [Рикер, 2008, с. 187].

В качественных методах интерпретация, понимаемая как процесс конструирования значений,

становится основным инструментом анализа смысловой структуры данных, причем в зависимости от конкретно используемого метода намечается ее особая логика: психоаналитическая, феноменологическая или дискурсивная [Willig, 2012]. Мы вслед за К.Виллиг считаем важным подчеркнуть, что интерпретация – это циклический процесс критической рефлексии, предполагающий систематическое изучение развиваемых самим исследователем умозаключений, а не результат его непредумышленных ассоциаций или субъективных впечатлений о данных, и этот процесс должен быть эксплицирован в ходе качественного анализа для оценки валидности последнего.

Можно выделить следующие направления ассимиляции психоаналитических идей в современных качественных исследованиях: 1) развитие *глубинной герменевтики* А.Лоренцера, получившее признание преимущественно в немецкоязычных странах, и направленное на раскрытие амбивалентного соотношения латентных (аффективных) и манифестируемых (рациональных) значений изучаемого текста или иного материала [König, 2004]; 2) переосмысление ряда идей *Ж.Лакана* о языковом характере организации бессознательного в *критической (радикальной) социальной психологии*, призванной раскрыть политизированный характер научного знания, социальные отношения, формируемые в процессе исследования, а также «предоставить право голоса» альтернативным психологическим парадигмам, к которым, помимо собственно психоанализа, относятся марксизм, феминизм и постструктурализм в вариации М.Фуко [Parker, 2005]; 3) определение взаимоотношений между *психоанализом* и *дискурсивной психологией*, которое разрешается так: «психоанализ концептуализирует дискурс как место, в котором внутренний мир психической реальности выражается и раскрывается» [Frosh, Young, 2008, с. 110].

Символический интеракционизм

Эта теоретическая ориентация в социальной психологии, происходящая, в отличие от психоанализа, из социологического источника, акцентировала внимание на лингвистической (языковой) стороне социальной жизни и на том, как люди объединяют свои индивидуальные действия в совместные. Хотя современный интеракционизм представляет собой весьма разноликое течение, в нем можно выделить два основных направления [Atkinson, Housley, 2003]. Если первое из них ассоциируется с исследованиями установок у польских крестьян (Ф.Знаецкий, У.Томас) и урбанистическими полевыми исследованиями, проводившимися между двумя мировыми войнами в Чикагской школе (Р.Парк, Э.Берджесс), то второе направление связывается прежде всего с именем Г.Блумера, который переосмыслил результаты этих исследований и ряд социально-психологических идей философа Дж.Г.Мида, а затем объединил их под общим знаменем теории символического интеракционизма [История социологии, 2009].

Г.Блумер выделяет три основные предпосылки символического интеракционизма [Blumer, 1937, приводится по: Абельс, 2000, с. 50–51]: *во-первых*, люди действуют в отношении вещей на основе значений, которыми для них обладают вещи; *во-вторых*, значения вещей создаются или возникают во взаимодействии с социальным окружением; *в-третьих*, эти значения используются и изменяются в процессе интерпретации человеком окружающих вещей. С позиций интеракционизма рассматривается также и знаменитая теория Томаса: «если люди определяют некоторые ситуации как реальные, то эти ситуации реальны в своих последствиях» [Thomas, 1936, цит. по: История социологии, 2009, с. 603]. В контексте качественных исследований это означает, что нам следует взглянуть на мир глазами людей, с которыми мы работаем, и реконструировать их субъективные точки зрения; такая установка реализуется в исследованиях субъективных теорий – представлений, которые используются людьми для объяснения окружающей их действительности, – и процессах конструирования жизненной истории в ситуации автобиографических и нарративных интервью [Flick, 2009].

Современной реализацией идей символического интеракционизма является *метод обоснованной теории* (grounded theory). Метод обоснованной теории использует схемы индуктивного анализа данных, задающие путь от поиска эмпирических данных – через их кодирование, то есть формулирование отдельных смысловых категорий, или «концептов», – к построению связной теории об изучаемом объекте (а не проверки или верификации гипотез). Можно выделить три версии этого метода, чьи основные различия касаются последовательности и логики кодирования:

трехступенчатый метод А.Страусса и Дж.Корбин [Страусс, Корбин, 2007], более формальный двухступенчатый подход Б.Глазера [Glaser, 1992] и конструкционистский вариант метода К.Чармаз [Charmaz, 2006].

Предварительные выводы

1. В рамках антропологии, психоанализа и чикагской школы сформировались основные практики и инструменты качественных исследований, которые получили дальнейшее развитие уже во второй половине XX века.
2. Ключевой характеристикой ранних качественных исследований является отсутствие единой методологической платформы и в известном смысле «стихийное» развитие методов и техник сбора и анализа данных без их концептуального осмысления.
3. Под влиянием феноменологической социологии, глубинной и критической герменевтики, а также социального конструкционизма практика этих исследований была отрефлексирована как отдельная качественная методология, однако об этом речь пойдет во второй части настоящей статьи.

Литература

Абельс Х. [Abels H.] Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000.

Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2010.

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Моск. психол.-соц. институт, 2009.

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о качественной социологии. Социологический журнал, 1994, No. 2, 28–42.

Берри Д.В., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. [Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.] Кросс-культурная психология: исследования и применение. Харьков: Гуманитар. центр, 2007.

Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М.: Магистр, 1997.

Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: Инфра-М, 2013.

Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский А.В., Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. М., СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013.

Вульф К. [Wulf C.] Антропология: история, культура, философия. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2008.

Вундт В. [Wundt W.] Проблемы психологии народов. В кн.: Преступная толпа. М.: ИП РАН, 1998. С. 195–308.

Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Лабиринт, 2008.

Гиртц К. [Geertz C.] «Насыщенное описание»: В поисках интерпретативной теории культуры. В кн.: Антология исследований культуры: Интерпретации культуры. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2006. С. 171–200.

Годфруа Ж. [Godefroid J.] Что такое психология. М.: Мир, 2004. Т. 2.

Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001.

Джеймс У. [James W.] Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.

Елфимов А.Л. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя. В кн.: А.Л. Елфимов (Ред.), Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы. М.: НЛЮ, 2012. С. 5–18.

История социологии. М.: Норма, 2009.

Йоас Х., Кнебль В. [Joas H., Knöbl W.] Социальная теория: двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2011.

Кант И. [Kant I.] Сочинения. М.: Чоро, 1994. Т. 1–8.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование. М.: Наука, 1974.

Малиновский Б. [Malinowski B.] Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.

Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2007.

Орлова Э.А. Социология культуры. М.: Акад. проект, 2012.

Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2010.

Пиаже Ж [Piaget J.] Избранные психологические труды, М: Международная педагогическая академия, 1994.

Рикер П. [Ricoeur P.] Конфликт интерпретаций. М.: Акад. проект, 2008.

Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клиничко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности. Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология, 2012, No. 2, 37–48.

Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: Канон+, 2010.

Страусс А., Корбин Дж. [Strauss A., Corbin J.] Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Едиториал УРСС, 2001.

Теплов Б.М. Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. Т. 1–2.

Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.

Фестингер Л. [Festinger L.] Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

Фрейд З. [Freud S.] Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992.

Шульц Д., Шульц С. [Schultz D., Schultz S.] История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы: полевые социологические

исследования. СПб.: Алетейя, 2009.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007.

Allport G. The use of personal documents in psychological science. New York: Social Science Research Council, 1942.

Ashworth P. Conceptual foundations of qualitative methodology. In: J.A. Smith (Ed.), *Qualitative psychology: A practical guide to research methods*. London: Sage, 2008. pp. 4–25.

Atkinson P., Housley W. *Interactionism*. London: Sage, 2003.

Brown S.D., Locke A. Social psychology. In: C. Willig, W.S. Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. pp. 373–389.

Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006.

Daymon C., Holloway I. *Qualitative Research Methods in Public Relations and Marketing Communications*. London: Routledge, 2011.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: the discipline and practice of qualitative research. In: N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 1–32.

Flick U. *An introduction to qualitative research*. London: Sage, 2009.

Frosh S., Young L.S. Psychoanalytical approaches to qualitative psychology. In: C. Willig, W.S. Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. pp. 109–126.

Glaser B. *Basics of grounded theory analysis: Emergence vs. forcing*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992.

Griffin G., Bengry-Howell A. Ethnography. In: C. Willig, W.S. Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. pp. 15–31.

Harré R. *Cognitive science: a philosophical introduction*. London: Sage, 2002.

Jahoda G. *A history of social psychology: From the eighteenth-century Enlightenment to the Second World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Hammersley M. *The dilemma of qualitative method: Herbert Blumer and the Chicago tradition*. London: Routledge, 2005.

Hesse-Biber S.N., Leavy P. *The practice of qualitative research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011.

König H.-D. Deep-structure hermeneutics. In: U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke (Eds.), *A companion to qualitative research*. London: Sage, 2004. pp. 313–320.

Marecek J., Fine M., Kidder L. Working between worlds: Qualitative methods and social psychology. *Journal of Social Issues*, 53(4), 1997, 631–644.

Moghaddam F., Harré R. Rethinking the Laboratory Experiment. *American Behavioral Scientist*, 1992, Vol. 36, No. 1, 22–38.

Nerlich B. Coming full (hermeneutic) circle: The controversy about psychological methods. In: Z. Todd, B. Nerlich, S. McKeown, D.D. Clarke (Eds.), *Mixing methods in psychology: The integration of qualitative and quantitative methods in theory and practice*. New York: Psychology Press, 2004. pp. 16–36.

Parker I. Qualitative psychology: introducing radical research. Buckingham: Open University Press, 2005.

Polkinghorne D. Qualitative research. In: J. Thomas, M. Hersen (Eds.), Handbook of Clinical Psychology Competencies. New York: Springer Science Business Media, 2010. pp. 425–456.

Prasad P. Crafting qualitative research: Working in the postpositivist traditions. London: Armonk, 2005.

Sullivan C. Theory and method in qualitative research. In: M.A. Forrester (Ed.), Doing qualitative research in psychology: A practical guide. London: Sage, 2010. pp. 15–38.

Willig C. Discourse analysis. In: J.A. Smith (Ed.), Qualitative psychology: A practical guide to research methods. London: Sage, 2008. pp. 160–185.

Willig C. Qualitative Interpretation and Analysis in Psychology. Maidenhead: Open University Press, 2012.

Поступила в редакцию 3 сентября 2013 г. Дата публикации: 27 декабря 2013 г.

[Сведения об авторах](#)

Мельникова Ольга Тимофеевна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: kcp@psy.msu.ru.

Кричевец Анатолий Николаевич. Доктор психологических наук, профессор, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: ankrich@mail.ru.

Хорошилов Дмитрий Александрович. Кандидат психологических наук, научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: kcp@psy.msu.ru.

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 1. Психологические исследования, 2013, 6(32), 1.
<http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 1 // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/903-melnikova32.html>

[К началу страницы >>](#)